

МИЛАГИН АНТОН

КОЛОДЕЦ

страх может стать твоим другом

MilaginStory

16+

Антон Милагин

Колодец

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62803298

SelfPub; 2020

Аннотация

Из этого места бегут. Но он не смог. Наваждение. Шок. Очнись! Теперь он заперт в сухом, холодном колодце. Он ждёт своей участи вместе со своим страхом. Больше у него ничего не осталось. Страх и...

Содержание

1.	4
2.	5
3.	6
4.	8
5.	11
6.	14
7.	16
8.	19
Приложение	22

Когда-нибудь ты тоже расскажешь эту историю

1.

Он не мог сказать, сколько уже здесь находился. Окон нет. Двери тоже.

Это был колодец.

Ему бросали еду только ночью. Открывали люк и бросали. Может, специально, может, они просто не любили свет. Он не знал, но ему очень не хватало света. Солнца. Даже, если будет идти дождь, он обрадуется, лишь бы был свет.

Тут он прикусил губу. Он сидел на дощатом дне колодца, обхватив одну ногу руками, и руки у него дрожали. Он сидел в полной темноте, но глаза его были закрыты. Потому что он боялся их открыть. Он помнил всё. Всё, что было до. Помнил, как всё началось.

2.

Был обычный весенний день. Он на машине ехал на работу. В школу. Он был учителем. Вёл ОБЖ и Информатику в одной сельской школе. Сам жил в двадцати километрах от села в небольшой деревне. Там ему достался дом в наследство от бабушки. Московская область лучше, чем Екатеринбургская, думал он. Поэтому учитель оказался здесь. И теперь ехал по дороге, которая напоминала «хай-вэй» американских трасс. Длинные прямые участки, а вокруг только поля. Да солнце прямо в глаза. Да небо такое огромное. Раз в пять больше, чем земля перед глазами. Словно море перевёрнутое. В такие моменты он жалел, что машина его не имела открывающего верха. «Лада». Какой верх? Но мечты, мечты... Кто же их отменит? Он улыбнулся.

И тут от солнца отвалился осколок. Отвалился и различными зигзагами начал спускаться вниз. Глаза впились в это зрелище. Нога сама нажала на тормоз, и машина остановилась на обочине. Осколок был такой же, как солнце, только очень маленький. Вокруг него начали мигать вспышки, словно фейерверк. Но всё было очень хаотично. Вспышки гасли, а осколок всё падал и падал вниз, исполняя различные пируэты. Что самое интересное, учителю было понятно, куда он падает. Машина завелась и резко газанула вперёд.

3.

А минут через десять начало темнеть. И это в 7:30 утра. И вдруг за двадцать минут наступили сумерки. Учитель уже поворачивал на дорогу, которая вела к селу. Он почти приехал, как из подлеска выскочили три лося. Семья. Два больших и один поменьше. Выскочили резко. Машина уже повернулась, и лоси проскочили мимо. Назад. Но сзади, по встречной, тоже ехала машина. Лось вошёл в лобовое стекло. Весь. Машина остановилась как вкопанная. Словно её прибили. Остановился и он. Учитель выпрыгнул из машины и побежал к аварии, на ходу смотря в телефон. Он позвонил. Но гудков не услышал. Он позвонил ещё раз, но на другой номер. То же самое. Позвонил снова, но уже соседу. То же самое. Что происходит?

В разбитой машине он не увидел водителя. Но кровь бросилась в глаза. Красное. Течёт. Лось, занявший все передние сидения, вздрагивал, но было уже видно, что это ненадолго. Остальные два убежали.

Тут он заметил птиц. Много птиц. Стаи. Небо стало ещё темнее. Он огляделся. Вдалеке пробежала лиса. Ещё одна. С другой стороны – заяц. Дальше – енот. И снова заяц. Лиса, заяц, куница, снова заяц. Птицы. Много птиц. Все улетали или убегали. Учитель посмотрел в сторону села. Все бегут оттуда, тихо проговорил он.

Он посмотрел на машину, в которой умирал лось, на перебегающих дорогу животных, на птиц, а потом на село вдали. Оно сейчас выглядело маленькой чёрной полоской. И тут он заметил одну неточность. Очень много сегодня странно-го. Страшного. Сердце начинало ускоряться. Адреналин вызвал дрожь. А может это страх?

Село можно было заметить и за десять километров, благодаря церковной колокольне, стоявшей посередине села. Теперь он стоял в двух километрах, в живом течении убегающего зверья и птиц, и не видел колокольни. Так же, как и не видел храма. Чёрная полоска села. Две трубы. А церкви нет.

Он ехал преподавать детям знания.

Через полчаса прозвенит первый звонок. Что делать?

Он простоял минуту. Попытался позвонить ещё раз. Гудков нет. Подошёл к машине, включил радио. Тишина.

Зверьё бежит, птицы летят. Сумерки. Серое накрыло солнце и негде попросить помощи.

Учитель просидел в машине минут десять, наблюдая за происходящим и смотря на село. Потом завёл свою «Ладу» и поехал прямо. Чёрная полоска села притягивала. Медленно, но верно. Звери то и дело выпрыгивали на дорогу. С учителя тёк пот.

4.

Ближе к селу уже никто из животных на дороге не попался. Но стоял страшный вой собак. Вокруг села было много участков с сараями и огородами. И почти везде в будках сидело по собаке. А то и по две, или три. И все они сейчас выли. Учитель снова притормозил на обочине, не доезжая метров двести до села. Он вышел из машины. Страшный вой. Где-то скулят. Где-то рычат. И всё это вместе создавало ужасный звук. Бойня? Хотелось заткнуть уши, развернуться и уехать, не оглядываясь. Позвать на помощь. Он остановился на съезде с небольшой горки. Село было ниже. Какие-то движения виднелись в глубине села. Там, где раньше стояла церковь и колокольня. Где её сейчас нет.

Надо бежать вместе со зверьём, подумал он. И тут сзади сверху с горки вылетает трактор и сносит «Ладу» вниз, в обрыв. Как языком слизал.

Вой собак. Сумерки в восемь утра. Сбегающие наспех животные. А теперь это.

Он посмотрел на село, на обрыв. Он словно вошёл в транс. Поймал волну и медленно плыл по течению. Не задумываясь. Мозг отказывается думать, анализировать. Мозг капитулировал. Разве может всё это быть по-настоящему?

Учитель подошёл к обрыву. Два перевёрнутых транспортных средства. Его машина и «Кировец», огромный трактор.

Его «Лада» сложилась гармошкой. «Кировец» же лежал на кабине кверху колёсами. Кабина под тяжестью сложилась. Даже смотреть не хочется, что там внутри.

Сумерки, как помехи на телевизоре. Мешают. Раздражают.

Заболела голова. Закружилась. Может, от воя собак? А может, от увиденного хаоса за последние десять минут.

Писк. Тонкий писк в голове смешался со страшным воем собак. Зажав уши, он сел на корточки, и тут заметил это... Мыши, полёвки, крысы... Все они бежали на встречу и пробегали мимо. Ковёр, промелькнуло в голове. Ковёр бежит и пищит навзрыд. Какой-то бред.

Он сидел на дороге с больной головой, а мимо бежали грызуны. Вой, писк. Страшно. Бежать от сюда!

Село чернело перед его глазами.

В окнах не горит свет, сказал он про себя. Он машинально посмотрел на свой телефон. Заряда осталось очень мало. Голова раскалывалась. Бежать! Развернуться и бежать! И тут кто-то прошептал:

Иди.

Иди.

Иди.

Он, словно кукла тяжело встал и медленно пошёл в село. Он не мог сопротивляться течению. Кораблик весной в ручейке, сказал он себе. Он не может остановиться.

Серое накрыло солнце, и бежать от этого некуда.

Под оглушающие звуки воя и писка Он брёл в черноту.
Уроки, скорее всего, отменяются.

5.

Его вырвало.

Вокруг лежало много трупов. Погрызанных. Кости в сумерках белели на телах. Кто-то хрипел и шевелился. Но не долго. Сначала, когда он подошёл к месту, где стояла церковь, и увидел всё это, он стал подбегать к лежащим людям и кричать. Он вышел из оцепенения и попал на поле казни. Многие умерли у него на руках. Их кровь сделала учителя похожим на них. Разница была только в том, что он шёл, а они нет. С выпученными глазами учитель шёл вперёд, словно хотел понять, сколько тут лежит трупов. Его вырвало снова.

Он поднял голову, посмотрел на развалины. Он смотрел на трупы. Как? Что всё это?

Он стал оглядываться. Вокруг дома были целы. Только нигде не горел свет. А потом учитель застыл. Голова его трещала по швам, но, вой собак немного прекратился. Даже, скорее не так. Выли где-то далеко отсюда, в дальних сараях. А те, что были рядом, замолчали. Почему? Либо они сдохли, либо оторвались. Он прислушался. Бег? Хрип?

Он быстро огляделся и ринулся к руинам. Споткнулся на одном трупе и упал на второго. Скользко. Пахло кровью. Он кое-как поднялся и вдали слева увидел несущихся к нему трёх собак. Цепи их летели за ними и гремели. Он заорал и

побежал.

Учитель еле, еле вкарабкался на разваленную стену. Собака подпрыгнула, но не достала. Щелчок сзади, словно у него за ухом. Ощетинившиеся собаки рвали свои глотки вниз, прыгая снова и снова, пытаясь достать жертву. Он мог сосчитать, сколько у какой собаки зубов. Руками и ногами учитель прилип к камню и не отрывал взгляда от взбесившихся собак. А держаться было до боли сложно. Чужая кровь текла по нему. Одежда, руки всё было скользким. Но он держался. Страх упасть держал его на развалинах.

Через минут десять собак уже было штук двадцать. Две остались сидеть под стеной, остальные лазили среди трупов. Глодали их. Его вырвало снова. Прямо на одну собаку под ним.

Наверное, он уснул. Потому что чуть не свалился с обломка стены, и потому что собак уже не было. Голову словно пилили на части. Он присмотрелся к лежащим трупам. Да, их было много, но это очень маленькая часть от населения села. Где все остальные? Почему тут больше никого нету? Вибрация ударила ему в спину. Он чуть не упал. Он повернулся назад. За церковь вниз уходил овраг. Довольно глубокий. И, наверное, поэтому он не заметил сразу свечения оттуда. А там был золотистый свет.

Свет распространился полосой по всей речке, которая протекала на дне оврага. Он чувствовал, как вибрация бук-

вально сталкивает его. Вибрация шла со дна оврага. А ещё учитель чувствовал, как вминается его крестик на шее. Вибрация давила именно в крестик.

6.

– Пришло время снимать его, – прошипел кто-то в его голове. словно наждачной бумагой провели по вискам.

Он посмотрел на свой крестик, на развалины церкви, на колокол, который нависал над ним. Колокольня обвалилась, а сам многотонный колокол стоял на руинах, словно колпак, прикрывающий это кощунство. Собаки выть перестали. Наступила тишина. Беспokoила только голова. Боль находилась внутри и настойчиво просилась наружу. Он закрыл глаза. Непроизвольно он обхватил свои виски, с силой прижимая руки, словно не давая голове расколоться.

Арбуз.

Тыква – вспыхнули образы перед глазами.

– Жатва! – рывкнуло в голове.

И он упал со стены. Прокатился, словно бочка и врезался в пыльный обломок большой оконной рамы. С трудом встал. Вроде ничего не сломал. Пыль, мерзкий запах, головная боль. Правой рукой он обхватил свой крестик. Боль в голове немного унялась. Он открыл глаза и увидел под ногами крышку-люк колодца. Откуда здесь колодец, подумал учитель, но сразу же повернулся к оврагу. К свечению. Он сделал пару шагов вперёд, и вибрирующее давление на него усилилось. Сделал пару шагов назад, и давление ослабло. Всё это может что-то и дать, но думать сейчас учитель не мог во-

все. А потом его ударили по голове. Сзади.

7.

Очнулся учитель быстро. По крайней мере, так он подумал. То же место, те же сумерки, ничего не изменилось. Только он лежит, и руки сзади связаны. А рядом стоят трое мужиков. Одного он знал. Знал и недолюбливал. Других просто видел иногда в магазинчике. Они просто смотрели на него. Молча. Серые тени, и такое же небо над ними. Учитель переключился на небо. Тёмно-синие облака быстро уходили вправо. Словно и они бегут отсюда. Не останавливайтесь, подумал он.

А в голове пророкотало громом со всех сторон:

– Ты немного опоздал! Поэтому я просто задам вопрос! Ты остаёшься со мной или нет?!

Трое мужиков, видимо, не слышали всего этого. Они как каменные стояли над ним. Руки были связаны, но крестик был на месте. Всё тело болело, поэтому он решил не вставать, а просто посидеть. Учитель развернулся к свечению. И тут его сзади подхватили и понесли в сторону оврага.

Вниз уходила дорожка. Мужики бросили его на эту дорожку, словно мешок. Зимой тут любили кататься на санках. Выезжали на нескольких санках одновременно и ногами толкали друг друга. Выигрывал тот, кто доехал до конца, не перевернувшись. Сейчас он катился не по снегу. Сейчас он кубарем летел вниз к свечению со связанными сзади рука-

ми. Сидя на санках, радуешься, что овраг такой глубокий, а склон такой крутой. Сейчас учитель мог потерять зубы.

Остановиться не получалось. В конце концов, он смог только изменить направление и укатился влево. А дальше врезался в пень. Больно. Невыносимо больно. Его ещё раз вырвало.

Так учитель пролежал долго, пока не услышал крик. Ужасный человеческий крик. Учитель перевернулся на другой бок. Он хотел увидеть.

Внизу, где было свечение, стоял золотистый туман, внутри которого всё искрилось.

Красным.

Красные искорки в ярко-жёлтом тумане.

Крик был страшный, долгий, а потом тишина. Такая же. Тишина высасывала всё нутро, не смотря на вибрацию, которая волной отталкивала. Сейчас разорвёт на части, подумал он. Крестик, вдавливающийся в тело, создавал ещё одну боль, которой и так было достаточно.

– Не достаточно! – прорычало у Него в голове.

Медленно, словно забивая каждое слово в голову, голос продолжал:

– Боли не бывает мало. Мало бывает вас. Пищи. И здесь вас явно очень мало. Но кто-то может избежать этого. Кто-то может остаться со мной. Сними свой крест и боль пройдёт мимо.

Голос рвал его голову, словно физически его кто-то кусал.

Руками он уже не мог помочь себе собрать её. Он снова отключился.

Так учитель пролежал долго, пока не подошли мужики и не потащили его наверх.

8.

Его бросили в колодец в руинах церкви. Руки учителю развязали, а потом просто бросили. Снова. Он всё ещё не пришёл в себя в этот момент. А потом хруст и новая боль... Крик.

Крышка сверху закрылась.

Он сломал лодыжку. Он сидел на полу, вытянув сломанную ногу. В правой руке он зажал крестик. Колодец был сухой и почему-то с дощатым полом. Может быть, его использовали как погреб. Может меня скоро не будет, подумал он.

Темнота вокруг – это не самое худшее.

Сломанная лодыжка погоды не делает.

Страх может стать твоим другом.

– Завтра я попробую тебя на вкус.

– Завтра ты будешь кричать долго. Очень долго.

– Завтра ты возненавидишь свет.

– Но можно этого избежать.

Слова рычали периодически. Слова тоже могут бить.

Ему в четвёртый раз кинули полбуханки хлеба за всё время. Наверху снова ночь. Крышка открылась, а светлей не стало. Тьма скоро войдёт в меня, подумал он.

Завтра, завтра, завтра.

Сколько прошло времени?

Когда наступит завтра?

Время шло, шло и шло мимо, а «завтра» всё не наступало.

Голова раскалывалась, страх колотил, а боль не давала спать.

Он снял крестик.

Здесь, в колодце вибрации не было. Но тут, всё вокруг зашумело.

– Правильный выбор, – протрещало в голове.

Глаза у учителя были закрыты, но сквозь веки он увидел свет. В колодце стало светлее. И жарче. Что-то спускалось вниз. Сердце громко застучало. Учитель ничего не слышал кроме своего сердца.

– Брось крест подальше.

Он словно почувствовал трещину в голове физически, так резко с силой врезались в него слова.

– Помоги мне, – вдруг сказал учитель шёпотом.

Что-то стало медленно спускаться вниз к нему.

– Помоги мне, – повторил учитель.

Глаза учителя были закрыты, вибрация долбила вокруг так, что доски под ним стали ходить ходуном.

– Помогу, – прорычал голос.

И кровь пошла из носа.

Учитель зажмурился ещё сильнее. Мышцы лица болели, но он уже не придавал этому значения. Вокруг стало ярче. Так ярко, что зажмуренные глаза не помогали. Он никогда

не видел такого света. А ещё он почувствовал новую боль. Кожа его зажарилась. Волосы его уже горели.

Учитель бросил свой крестик вверх со всей своей оставшейся силы.

И земля дрогнула. Земля вздыбилась и опустилась. Колокол, что был над колодцем, пошатнулся, камни под ним рассыпались, и он с грохотом съехал вниз и накрыл колодец.

Нечеловеческий вопль пронёсся по всей округе как волна от взрыва.

А потом всё смолкло. Пыль оседала на камни. Тёмные облака пролетали мимо.

Прошло время и вышло солнце.

И вышли люди.

Солнце вылилось на них водопадом.

Всё село вышло на улицы и окружило огромный колокол. Люди выходили из оцепенения. Люди освобождались от страха. Люди не верили своим глазам и своим воспоминаниям.

Они долго ничего никому не говорили. Но они с яростью не давали убрать колокол.

Церковь построили заново. Как и колокольню.

А колокол так и стоит на своём месте. На полу, внутри колокольни.

Когда бьют колокола, говорят, колокол на полу тоже бьёт.

Приложение

Дизайн обложки подготовил Милагин Антон с использованием своей фотографии из личного архива.